

В. В. КРИВЕНЬКИЙ

Под черным знаменем: анархисты

Программные представления: течения в российском анархизме

В годы первой российской революции в анархизме явно определились три основных направления: анархо-коммунизм, анархо-синдикализм и анархо-индивидуализм с наличием у каждого из них более мелких фракций. Названные направления были достаточно обособлены друг от друга. Помимо различий программных и тактических они имели собственные печатные органы, определенные сферы социального влияния, регионы действий.

Такое положение в анархистском движении сложилось не сразу. Накануне и в первые месяцы революции 1905 г. большинство анархистских групп состояло из последователей теории П. А. Кропоткина, анархистов-коммунистов (хлебовольцев). Стратегические и тактические задачи хлебовольцев в революции были намечены на их I съезде в Лондоне (декабрь 1904 г.). Целью действий анархистов объявлялась «социальная революция, т. е. полное уничтожение капитализма и государства и замена их анархическим коммунизмом». Началом революции должна была явиться «всеобщая стачка обездоленных как в городах, так и в деревнях». Главными методами анархистской борьбы в России провозглашались «восстание и прямое нападение как массовое, так и личное, на угнетателей и эксплуататоров». Вопрос о применении личных террористических актов должен был решаться только местными жителями, в зависимости от конкретной ситуации.

Формой организации анархистов должно было быть «добровольное соглашение личностей в группы и групп между собою». На съезде Кропоткин впервые сформулировал идею о необходимости создания в России отдельной и самостоятельной анархиче-

ской партии. Хлебовольцы категорически отвергли возможность сотрудничества и вхождения анархистов в другие революционные партии в России, обусловив это неизбежной изменой анархическим принципам. В числе наиболее серьезных противников ими были названы социал-демократы.

На II съезде в Лондоне, состоявшемся 17–18 сентября 1906 г., вопросы стратегии и тактики хлебовольцев в революции получили дальнейшее развитие и конкретизацию. Важнейшим документом съезда была написанная Кропоткиным резолюция об экономическом и политическом моменте в революции, в которой давалась оценка и раскрывался характер революции, уточнялись задачи анархистов. Кропоткин считал, что налицо «народная революция, которая продлится несколько лет, низвергнет старый порядок вообще и глубоко изменит все экономические отношения вместе с политическим строем». Движущими силами революции назывались городские рабочие и крестьяне, опередившие «революционеров из имущих классов». В резолюции говорилось о том, что анархисты вместе со всем русским народом борются против самодержавия, и для них ставилась задача расширить эту борьбу и направить ее «одновременно против капитала и против государства». Такая мера политического воздействия рабочих масс России, по мнению Кропоткина, позволила бы им двигаться к полному освобождению, делая это революционным путем: «Волю цари не дарят, парламенты ее также не дают, ее надо брать самим».

В резолюции выражалось резко отрицательное отношение анархистов к возможности работы в таких учреждениях, как Государственная дума и Учредительное собрание: «В Думе нам делать нечего. В лагерь правящих мы не пойдем. Давать наши силы на дело созидания государственной силы мы не станем. У нас есть своя работа». Из всех методов революционной борьбы анархисты предпочитали немедленную и разрушительную работу масс. В резолюции «Об актах личного и коллективного протеста» (автор — В. И. Федоров-Забрежнев) участники съезда подтвердили право анархистов на совершение террористических актов лишь в целях самозащиты. Вместе с тем «идейные» анархисты отвергли роль террора как средства для изменения существующего строя, подчеркнув при этом, что его применяют в России представители других партий. Резолюция «О грабеже и экспроприации» предостерегала анархистов от излишнего увлечения личными и групповыми «эксами» (т. е. экспроприациями) и со-

держала призыв «строго беречь нравственный облик, с которым русский революционер всегда являлся перед русским народом».

В вопросах организации всячески поощрялись самостоятельность и независимость в действиях анархистов. Что касается всеобщей стачки, то, по мнению участников съезда, она и впредь должна была оставаться «могучим средством борьбы» с самодержавием и дополнять вооруженную борьбу народных масс с режимом. Принципиальными для анархистов, действовавших в России, были решения съезда о возможности вступать в рабочие союзы беспартийного характера и самим создавать новые анархические союзы, связанные с другими объединениями, той же отрасли труда. Был принят документ, запрещавший анархистам заключать соглашения о сотрудничестве (для борьбы с самодержавием) с партиями революционной демократии и либеральной буржуазии.

Существенным для хлебовольцев был вопрос о будущем обществе, созданном по модели анархо-коммунизма. Освобожденное от пут царизма общество Кропоткин и его последователи представляли как союз или федерацию вольных общин (коммун), объединенных свободным договором, где личность, избавленная от опеки государства, получит неограниченные возможности для развития. Первоочередной задачей победившей революции анархо-коммунисты считали экспроприацию всего, что служило эксплуатации (земли, орудий производства и средств потребления, «хотя бы в отдельных местностях и городах, где представится возможным»). Считалось, что достигнутый максимум свободы личности будет сопровождаться и максимумом экономического расцвета общества в результате высшей производительности свободного труда. Для планомерного развития экономики Кропоткин предлагал децентрализовать промышленность, установить прямой продуктообмен и интеграцию труда (обработку земли как сельскими, так и городскими жителями, соединение умственного и физического труда, введение производственно-технической системы обучения). В аграрном вопросе Кропоткин и его соратники считали необходимым передать всю землю, захваченную в результате восстания (социальной революции), народу, тем, кто сам ее обрабатывает, но не в личное владение, а общине.

Крупными идеологами и организаторами «анархо-синдикализма» в России были Яков Исаевич Кирилловский (Д. И. Новомирский), Борис Наумович Кричевский, Владимир Александрович Поссе. Значительная часть сторонников этого течения

воспитывалась на дискуссиях об отношении к синдикализму, продолжавшихся из года в год на страницах анархистских печатных органов различных направлений.

Д. И. Новомирский, возглавлявший в годы революции 1905–1907 гг. организации синдикалистов в Одессе, в брошюрах «Программа синдикального анархизма», «Манифест Анархистов-Коммунистов», в уставе Всероссийского Союза Труда и программе «Южно-Русской группы анархистов-синдикалистов» последовательно изложил стратегию и тактику синдикалистов в России. Основной целью своей деятельности синдикалисты считали полное, всестороннее освобождение труда от всех форм эксплуатации и власти и создание свободных профессиональных объединений трудящихся как главной и высшей формы их организации. Из всех видов борьбы синдикалисты признавали только непосредственную, прямую борьбу рабочих с капиталом, а также бойкот, стачки, уничтожение имущества (саботаж) и насилие над капиталистами.

Следование синдикалистским установкам логически привело их защитников к выдвиганию идеи «беспартийного рабочего съезда» (ее подхватили меньшевики), к агитации за создание общероссийской рабочей партии из «пролетариев независимо от существующих партийных делений и взглядов». В первое десятилетие XX в. в России были воплощены в жизнь интересные идеи В. А. Поссе, выступавшего за создание особых рабочих кооперативов для борьбы рабочего класса за свои профессиональные, экономические интересы, минуя политические и вооруженные методы борьбы с самодержавием.

В анархизме периода первой революции (и в последующие годы) появляется такое направление, как анархо-индивидуализм (индивидуалистический анархизм). Он был представлен сторонниками взглядов А. А. Борового, О. Виконта, Н. Бронского, взявших за основу своих построений абсолютную свободу личности как «исходную точку и его конечный идеал».

Разновидностью анархо-индивидуализма был мистический анархизм, который проповедовали талантливые представители российской интеллигенции: поэты и писатели — С. М. Городецкий, В. И. Иванов, Г. И. Чулков, Л. Шестов (Л. И. Шварцман), К. Эрберг и др. Вариант индивидуалистического анархизма представлял в России Лев Чёрный (псевдоним П. Д. Турчанинова), опубликовавший книгу «Новое направление в анархизме: ассоциационный анархизм» (1907) и назвавший свою концепцию

ассоциационным анархизмом. В его труде последовательно излагались теории различных идеологов анархизма по вопросам жизнедеятельности общества и государства, прежде всего П. Ж. Прудона, М. Штирнера, американского анархиста В. Р. Туккэра (Тэккера). Л. Чёрный высказывался за сочетание принципов коллективизма и индивидуализма, выступал за создание политической ассоциации производителей. Основным методом борьбы с самодержавием он считал систематический террор.

К последователям индивидуалистического анархизма можно отнести махаевцев (махаевистов), высказывавших враждебное отношение к интеллигенции, власти и капиталу. Создателем и теоретиком учения был польский революционер Я. В. Махайский (он публиковался под псевдонимами А. Вольский, Махаев), а наиболее известным из его последователей был Е. И. Лозинский (Е. Устинов). Число представителей индивидуалистического анархизма было невелико, но это не умаляет значение их теоретических работ для современников. Зачастую их действия и концепции, опережавшие свое время, вызывали резкое неприятие и нелепые обвинения, которые порой стоили жизни их авторам. Но в конечном итоге все задумывалось и делалось во славу человеческой личности и ее свободы, что не может не вызывать сочувствия сегодня.

В условиях революции 1905–1907 гг. в российском анархокоммунизме образовалось еще несколько течений. Среди них выделялось движение анархистов-коммунистов (безначальцев), возглавляли которое С. М. Романов (Бидбей) и Н. В. Дивногорский (Петр Толстой). В основу этого мировоззрения были положены проповедь террора и грабежей как способов борьбы с самодержавием и нигилистическое отрицание всяких нравственных устоев общества. Прорваться в «царство свободы» они мечтали путем беспощадной «кровавой народной расправы» с властью имущими, используя для этой цели «мятежные шайки» из безработных и люмпен-пролетариев. Отдавая предпочтение тактике «прямого действия» («эксам» и терактам), безначальцы выступали категорически против различных видов борьбы рабочих масс за свои требования, в том числе и против создания профсоюзов. В период революции 1905–1907 гг. безначальцы не имели большого числа сторонников, но в местностях, где существовали их группы (Петербург, Москва, Киев, Тамбов, Минск, Варшава и др.), они действовали весьма активно, особенно в выпуске печатных изданий и изготовлении взрывчатых веществ.

Осенью 1905 г. в анархо-коммунизме оформилось движение анархистов-коммунистов (чёрнознаменцев). Организатором и идеологом чернознаменства в России был И. С. Гроссман (Рощин). Изданный им в Женеве в декабре 1905 г. единственный номер газеты «Черное Знамя» дал название целому направлению анархистов. В революции 1905–1907 гг. это течение анархической мысли играло одну из ведущих ролей. Наиболее сильные группы чернознаменцев действовали на северо-западе и юге России (Белосток, Варшава, Вильно, Екатеринослав, Одесса). Социальную базу течения составили отдельные представители интеллигентской богемы, люмпен-пролетарии и некоторые рабочие, занятые на маломощных, ремесленного типа предприятиях. Своей главной задачей чернознаменцы считали создание широкого массового анархического движения, установление прочной связи со всеми направлениями анархизма. Чернознаменцы выступали за активные действия и в процессе теоретической борьбы с хлебобовольцами обосновали следующую программу: «Постоянные партизанские выступления пролетарских масс, организация безработных для экспроприации жизненных припасов, массовый антибуржуазный террор и частные экспроприации».

В ходе боевых операций в конце 1905 г. чернознаменцы раскололись на две группировки: безмотивных террористов во главе с В. Лапидусом (Стригой) и анархистов-коммунистов. Безмотивные террористы основной целью своей деятельности считали организацию «безмотивного антибуржуазного террора» путем индивидуальных покушений против представителей буржуазии не за какие-либо определенные проступки (донос, провокаторство и т. д.), а исключительно за принадлежность к классу «паразитов-эксплуататоров». Подобную тактику действия чернознаменцы особенно рекомендовали рабочему классу, полагая, что путем таких акций можно обострить классовую борьбу против всех властвующих и угнетающих.

Сторонники анархистов-коммунистов, наоборот, высказывались за сочетание антибуржуазной борьбы с серией частичных восстаний, во имя провозглашения в городах и селах «временных революционных коммун». Как «террористы», так и «коммунисты» отрицательно относились к участию анархистов в беспартийных профессиональных союзах, которые, по их мнению, приучали рабочих к легализму и борьбе за минимальные требования.

Для большинства российских анархистов-коммунистов, стремившихся к самоутверждению в боевой, разрушительной

деятельности, вопрос об отношении к профессиональному движению трудящихся не являлся определяющим. Иначе считали анархисты-синдикалисты, оформившиеся в 1905 г. в одно из самостоятельных направлений анархизма.

«Шаг вперед, два шага назад»

Поражение революции выявило в российском анархическом движении две разнохарактерные тенденции. Первая вела к его полной гибели и самоуничтожению, вторая — поддерживала слабые ростки консолидации и объединения и могла стать шансом на спасение.

В первом случае речь идет о следующем. Некоторые сторонники анархии, и ранее не особенно считавшиеся с общепринятыми нормами поведения, всю развернули свою деятельность. В анархическом движении в довольно большом количестве появились заурядные шайки грабителей-налетчиков с экзотическими названиями — «Анархисты-террористы», «Кровавая Рука», «Лига Красного Шнура», «Черные Вороны», «Мстители», «Ястреб» и т. д. В то же время отдельные организации начинают поиски выхода из тупика и вспоминают о постоянных призывах Петра Кропоткина к единению анархических сил для борьбы с режимом. Рождается идея созыва Всероссийского съезда анархистов. Актуальность и своевременность решения данного вопроса российские анархисты осознали на Международном анархическом конгрессе в Амстердаме в августе 1907 г. На этом форуме Россию представляли С. Воднева, Р. З. Марголин, Каминский, Н. И. Музиль (Рогдаев), В. И. Федоров-Забрежнев. Их выступления и доклады были с огромным интересом выслушаны делегатами, и в конце работы форума представители 27 государств Европы, Азии, Африки и Америки приняли специальную резолюцию «Об отношении к русской революции», подготовленную Рогдаевым и Забрежневым. В документе содержалось обращение к анархистам всех стран оказать «всевозможную материальную и духовную поддержку» делу русской революции, пропагандировались анархистские методы борьбы с самодержавием и подчеркивалось общемировое значение революции, от исхода которой зависело «ближайшее будущее мирового пролетариата».

В октябре — ноябре 1907 г. в России анархисты различных групп, готовясь к Всероссийскому съезду, провели городские

конференции. Наиболее крупная из них состоялась в Киеве с участием анархистов из других городов. Интересно, что одним из авторов итоговых документов этой встречи анархистов был Дмитрий Богров, будущий убийца Петра Столыпина. Серьезные шансы на созыв съезда в конце года имела и «Объединенная Московская группа анархистов», но он был сорван из-за начавшихся раздоров в анархистской среде.

Наступление реакции не прервало активных боевых выступлений российских анархистов, но нанесло ощутимый урон объединительным тенденциям. В 1908–1909 гг. в анарходвижении продолжался процесс распада и самоликвидации организаций. Если в 1908 г. действовало 108 групп анархистов в 83 населенных пунктах страны, то в 1909 г. их насчитывалось уже 57 в 44 городах, в 1910 г. — только 34 группы в 30 пунктах, в 1911 г. — всего 21 организация, в 1912 г. — 12, в 1913 г. — 9 и накануне первой мировой войны — лишь 7 групп. Таким образом, вопреки утвердившимся в исторической литературе оценкам, в 1908–1913 гг. анархистские организации не исчезли бесследно с политической арены, хотя их число значительно уменьшилось. Малочисленные организации сохранились в Белой Церкви, Киеве, Москве, Петербурге, Одессе, Харбине и других городах; занимались они лишь выпуском отдельных листовок и прокламаций. <...>

В 1910–1913 гг. на волне общего революционного подъема в отдельных городах страны создаются подпольные революционные кружки для изучения социалистической (в том числе и анархистской) литературы. Один из первых кружков подобного рода возник в конце 1911 г. среди студентов смоленского землячества при Московском коммерческом институте. Члены этого образования обоснованно считали, что «период терроризма уже пройден и возвращение к нему бесполезно», и, выбрав за основу своих воззрений синдикалистские установки в сочетании с идеями кооперации, они занялись пропагандистской деятельностью в Туле, Брянске, Смоленске, Кинешме. <...>

Первая мировая война привела к расколу в анархистской среде. К оборонцам примкнул Кропоткин, призывавший к войне «до конца германского милитаризма», ибо считал, что победа Германии будет большой национальной катастрофой для России. Ему противостояли анархисты-интернационалисты, осуждавшие любые военные действия: И. С. Гроссман (Рощин), А. Ю. Ге, А. М. Шапиро, Э. Гольдман, опиравшиеся на поддержку едино-

мышленников из других стран мира — Л. Бертони, Э. Малатеста, Р. Роккера, Ф. Дамела-Ньювенгейса.

Русские патриоты приветствовали переход лидера анархистов на их сторону и даже приезжали к нему «на поклон». Так, например, его посетил лидер кадетской партии П. Н. Милюков. Пока Кропоткин собирал дивиденды из своих публичных выступлений, в России движение переживало весьма непростые времена. В ряде городов имелись малочисленные организации (из 4–18 человек), действовавшие в среде студентов, рабочих различных профессий — кожевенников, печатников, железнодорожников и др. Самым большим их достижением было издание прокламаций и устная агитация на предприятиях. Исключением являлась работа «Северного союза анархистов» в Петрограде (с 1914 г.), в который входили синдикалисты, коммунисты и индивидуалисты, сумевшие общими усилиями выпустить два номера гектографированного журнала «Анархист».

В 1915 г. анархистские организации имелись в восьми городах страны, в конце следующего года их насчитывалось уже 15 (в семи населенных пунктах). Было заметно, что анархисты нащупывали свои пути воздействия на массы, но их общее число, вероятно, едва достигало 250–300 человек.

Февральская революция 1917 г. принесла обновление и русскому анархизму. Вновь на арену политической борьбы вышли анархо-коммунисты, индивидуалисты и сторонники анархо-синдикализма. «Свои первые восторги, — писал известный анархист Г. Б. Сандомирский, — анархисты слили с народом, сбросившим с себя ярмо тирана. (Они) понесли свою проповедь социальной революции в массы, которых... справедливо желали предохранить от увлечения одной политической стороной сложившегося переворота. Начертав на своем знамени “Хлеб и Воля”, они пошли вперед восставшего народа, неустанно толкая его на путь полной эмансипации. Работы было непочатый край...» По свидетельству анархиста А. Горелика, в это же время «в массы полетели целые тучи криков, лозунгов, обещаний и предостережений... Анархисты и большевики начали овладевать движением и задавать тон».

Отчасти, наверное, так и было. Но представляется, что анархисты не могли столь быстро восстановиться после потерь военных лет. Их новоявленной агитации поддавались лишь наиболее незрелые слои рабочих и солдат, а о практической работе в Москве

и Петрограде «долгое время ничего не было слышно». Происходил процесс накопления сил.

Наконец, 13 марта 1917 г. силами членов семи анархистских организаций в Москве была создана «Федерация анархических групп», в которую вошли около 70 человек, в основном из молодежной среды. В то же время роль главных идеологов и организаторов движения в Москве и Петрограде продолжали играть такие известные анархисты, как П. А. Аршинов, В. В. Бармаш, А. А. Боровой, братья Абба и Владимир Гордины, И. Блейхман, Д. Новомирский, Л. Чёрный, Г. Б. Сандомирский, А. А. Солонович, Г. П. Максимов, В. С. Шатов, В. М. Эйхенбаум (Волин), Е. З. Ярчук. Разными путями они вернулись к революционной деятельности: Аршинов вышел 1 марта 1917 г. из заключения в Бутырках; Сандомирский и Чёрный прибыли из сибирской каторги; Ярчук, Волин, Шатов, Новомирский возвратились в Россию из эмиграции. 12 июня вернулся в Петроград из эмиграции и Кропоткин, восторженно встреченный народом.

Учитывая прошлые болезненные удары, анархисты различных направлений спешили определить свое отношение к животрепещущим вопросам революции. Анархо-синдикалисты во главе со своими лидерами — В. Волиным, Г. Максимовым и В. Шатовым — выступали за замену государства федерацией синдикатов, захват фабрик и заводов рабочими коллективами и развернули активную пропагандистскую деятельность. Вскоре под их контролем оказались союзы металлистов, портовых рабочих, булочников, отдельные фабрично-заводские комитеты. Их линия на установление действительного рабочего контроля на производстве была практически идентична позиции большевиков. Разница в подходах казалась несущественной, но в ней-то и крылась суть идейных различий: синдикалисты требовали строительства и организации общества снизу вверх, а большевики — перехода всех средств производства государству (центру), которое и должно было распоряжаться ими от имени рабочих, что в конечном итоге и случилось. В этом и состояло принципиальное различие двух идеологий. Синдикалисты поздно разобрались в тактических хитростях большевиков, но постепенно смогли избавиться от стремления немедленного перехода к обществу анархии.

Верными своим стратегическим установкам на введение безвластного, коммунистического общества остались анархисты-коммунисты. Так, они сразу призвали массы к социальной рево-

люции, к свержению Временного правительства, а после создания Совета рабочих и солдатских депутатов (в частности, в Петрограде) стали добиваться допущения своих сторонников в данный орган в качестве полноправных делегатов. Они выдвигали требования «убийства старых министров» и «выдачи патронов и оружия... так как революция не кончена». Предлагая немедленно ликвидировать Временное правительство, анархисты-коммунисты указывали на необходимость «положить конец империалистической войне».

Различным в среде анархистов оказалось отношение к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 18–22 июля 1917 г. конференция анархистов юга России в Харькове признала возможным вхождение сторонников анархии в Советы, но исключительно с информационной целью. Категорически против участия в Советах высказывались лишь анархисты-индивидуалисты. Весьма важной представляется позиция по этому вопросу Кропоткина: «Идея Советов, впервые выдвинутая в ходе революции 1905 г. и немедленно реализованная в феврале 1917 г., как только пал царский режим, идея таких органов власти, контролирующих политическую и экономическую жизнь, — величайшая идея. Она неизбежно ведет к пониманию того, что эти Советы должны объединить всех, кто на деле, своим собственным трудом участвует в производстве национального богатства...» Теоретик анархизма доказывал, что потеря власти Советами или их пассивная роль в деле управления массами может привести к диктатуре партии.

В 1917 г., как и в первой революции, анархисты-коммунисты отличались своими спонтанными, стихийными действиями, нацеленными на подталкивание событий. Они выделялись во время апрельского политического кризиса (19–21 апреля), придерживаясь лозунгов немедленного свержения Временного правительства; прославились захватом (в феврале), а затем и защитой от правительственных войск (в июне) дачи бывшего царского министра П. Н. Дурново; подготовкой стихийных выступлений солдат 2–4 июля «с оружием в руках... для свержения 10 министров-капиталистов» и захвата фабрик и заводов. Определенной заслугой анархистов-коммунистов можно считать выдвижение ими уже в начале июля 1917 г. лозунга борьбы за создание однородного социалистического правительства в России.

Июльский политический кризис 1917 г. закончился поражением сил революции и частичным разгромом анархистских организаций. В этот период на передний край борьбы вновь вышел

Кропоткин. Его фигура привлекала внимание не только революционеров, но и сторонников правительства, пытавшихся использовать в своих целях авторитет великого ученого и мыслителя. А. Ф. Керенский делал невероятные усилия, чтобы пригласить Кропоткина войти во Временное правительство, предлагая ему на выбор любой пост министра. Кропоткин отказался, ответив: «Я считаю ремесло чистильщика сапог более честным и полезным». Очевидно, результатом длительных размышлений стало его участие в работе Государственного совещания в Москве 15 августа 1917 г. Консервативные круги вряд ли ожидали услышать от теоретика анархизма проповедь идеи классового примирения всех сил, «и правых, и левых», действовавших в революции. На этом совещании он высказал предложение объявить страну республикой. Возможно, это был умный, тактически хорошо обдуманый ход политика, считавшего, что достичь царства анархии можно будет лишь в условиях мира и демократии.

Но за претворение высказанного лидером анархистов предложения еще предстояла борьба. Накануне октября 1917 г. они были по-прежнему разобщены, хотя и имели на своей стороне приверженцев из 40 организаций, разбросанных по стране.

Важным консолидирующим фактором для анархистов стало появление новых газет — «Анархия» (Московской федерации А.-К. групп) и «Буревестник» (орган петроградских анархистов), на страницах которых звучали призывы к борьбе за идеалы анархизма.

6 ноября 1917 г. в «Анархии» был опубликован Манифест Московской федерации анархических групп, ставший своего рода программным документом, определившим задачи анархистов на предстоящий период. В Манифесте отмечалось, что сторонники анархии «первые пошли в бой на защиту революции против власти капитала».

